

Чуковский, К. И.
писатель

ВЫСОЧАЙШАЯ степень признания и популярности — это когда фамилия не требует ни пояснений, ни даже имени перед ней. Но Корней Иванович Чуковский шагнул даже за эту, не так уж часто достигаемую черту. Можно не произносить и фамилии, а просто сказать: Корней Иванович. И, пожалуй, никто не спросит, о каком Корнее Ивановиче говорят.

Корней Иванович — один, знакомый всем сизмалства по звонким стихам, по его замечательным сказкам, певучим, жизнерадостным, остроумным. Один — и очень любимый всеми без различия возрастов, потому что и возмужав, читатель не расстанется с ним, а просто открывает другие его сочинения. Колоссальный талант Чуковского обращен ко всем сразу, писатель беседует одновременно со всеми. Спектр его творчества так разнообразен и ярок, столь неповторимо и небывало все, что он пишет, что чувства радости, благодарности, восхищения граничат всегда с удивлением перед этим творческим подвигом. И детский писатель. И глубокий исследователь детского творчества и психологии детской. Тонкий, острый и дальновидный критик. Историк русской литературы, неутомимый собиратель рукописного наследия Некрасова, лучший истолкователь его поэзии, его биограф, комментатор, редактор. Текстолог блистательный. Остроумнейший публицист. Вдохновенный защитник русского языка от всех, кто небрежен в обращении со словом, кто лишает нашу речь ее гибкости, силы и красоты. Замечательный переводчик, под пером которого Марк Твен, О'Генри, Уолт Уитмен, Редьярд Киплинг изъясняются на таком живом языке, словно всю жизнь писали только по-русски. Он автор великолепного исследования «Высокое искусство» — о том, какими свойствами должен обладать творческий перевод. Корней Иванович — мемуарист увлекательный. В его мемуарных книгах слова ложатся, словно краски на полотно, и вдруг портрет оживает, начинается двигаться, говорить...

Хотя заслуги Корнея Ивановича и признаны и оценены — он облачен в мантию доктора Оксфордского университета, удостоен за свой труд о Некрасове Ленинской премии, мы еще не все сказали о нем — о всей широте и мощи его таланта, о неповторимых свойствах его искусства, его мастерства.

Корнею Ивановичу исполнилось семьдесят пять лет. Печататься он начал в 1901 году. Стало быть, в литературе он работает шестьдесят шесть лет. Шестьдесят шесть лет пишет. Не часто бывает такое! Но дело даже не в писательском стаже его, а в том, что шестьдесят шесть лет подряд читатель его читает. Что творческое его восхождение свершается без перерывов и спадов. Что с каждым годом все большее число людей его любит. Любовь к Корнею Ивановичу в нашей стране имеет во многих случаях характер потомственный: современные деды и сами читали его и завещали эту любовь детям и внукам, передавая по наследству растрепанные, но дорогие их сердцу книжки или стараясь достать те же самые в новых изданиях. Сколько прошло за эти десятилетия знаменитых писателей, которые тоже когда-то зачитывались, о которых спорили жарко... Увы! Многие имена известны теперь только специалистам.

Шестьдесят шесть лет писать, не ста-

рея, а, наоборот, набирая все большую высоту, — как хотите, но, кажется, это едва ли не единственный случай!

Кто может владеть вниманием читателя на протяжении столь долгого времени? Тот лишь, кто внес в литературу нечто принципиально новое, расширившее сферу ее влияния, что раздвинуло пределы литературы, выразило важные черты своего времени, удовлетворило непреходящие эстетические потребности общества. Что же внес в литературу Корней Иванович Чуковский?

Давайте подумаем. Когда и где историко-литературная работа, книга о мастерстве поэта могла превратиться из монографии, доступной узкому кругу специалистов-филологов, в труд всенародно-го значения и в излюбленное чтение сотен тысяч людей?

Ответить нетрудно: в наше время в нашей стране это стало не только возможным, но и естественным. Но первый, кто, первый кто? Сблизивший филологическую науку с литературой? Корней Иванович Чуковский. Это не популяризация чужих и даже ни своих собственных достижений. Это филологическая наука, ставшая достоянием всеобщим. В своей книге Чуковский обращается и к ученому и к любознательному читателю. Он разговаривает с ними на одном языке, ибо верит в читателя, уважает его ум и талант.

Кто первый превратил комментарий к поэтическим текстам из сухих академических справок в живой разговор о поэзии и о работе поэта? Корней Иванович Чуковский — в комментариях к одному из сочинений Некрасова, которые похвалил сам Ленин Владимир Ильич.

Кто сделал проблему художественного перевода интересной не только для переводчиков, но для огромной массы читателей? Кто стал собирать у нас детский фольклор и создал необыкновенную книгу «От двух до пяти» — не для одних педагогов, психологов и лингвистов, но для родителей и даже детей? Точно так же и воспоминания Чуковского — это не мемуары в обычном понимании слова. Это — большая литература, воссоздающая эпоху, характеры, разговоры, стиль времени, стиль человека.

Чуковский раздвинул границы литературы, расширил самое понятие: литература — вот что он сделал! Мы знаем замечательных романистов, поэтов, критиков, работающих в существующих жанрах и раздвигающих своим творчеством жанровые границы. Чуковский создает жанры новые. Написанное им не похоже ни на что, бывшее прежде. И объясняется это не только силой таланта, но и его особыми свойствами: талант Корнея Ивановича заключает в себе много талантов. Если хорошенько подумать, книгу о Некрасове создал не только историк литературы К. И. Чуковский, но и поэт К. И. Чуковский, и прозаик К. И. Чуковский, и критик К. И. Чуковский, и публицист К. И. Чуковский. Слитые вместе, эти таланты образовали соединение нерасторжимое и, конечно, неповторимое.

Объясняется это еще и тем, что Корней Иванович может писать о самых

ВСТРЕЧИ С ЛЮДЬМИ ИСКУССТВА

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ

Ираклий АНДРОНИКОВ

трудных вещах и будет понятен каждому. Он естественен, прост, доступен. Он обладает какой-то непостижимой силой интимного контакта с читателем, непринужденного общения с ним. Что бы он ни печатал — это всегда он сам, Корней Иванович Чуковский, во всем его неповторимом своеобразии. Не знаю другого писателя, который с такой полнотой сумел бы передать на бумаге свой характер, свое искусство вести доверительную беседу, интонации голоса своего — молодого, высокого, звонкого, манеру свою говорить — живую, полную юмора и какого-то юношеского задора. Все, что написано Корнеем Ивановичем, празднично, артистично, как, впрочем, и все, что он говорит, и то, как он держится. А держится он необыкновенно свободно, пластичен в каждом движении. Идет — высокий, легкий, стройный... Куда там восемьдесят пять — в тридцать пять так не ходят! Смотришь — радостно глазу!

Куда б ни пришел — мгновенно завладевает вниманием каждого и каждой аудитории. И целую жизнь в людском окружении. Где Корней Иванович — там люди, там хорошо, талантливо, там атмосфера доброжелательства, умные и острые шутки. И все оживает вокруг него, все наслаждается общением с ним. Веселое у него перетекает в серьезное, серьезное разрешается шуткой, речь полна красок, отливает оттенками, в каждом слове — творчество и щедрость души!

Ставшее классическим выражение, что стиль — это сам человек, неповторимые свойства человеческой личности и таланта, к Корнею Ивановичу подходит, как мало к кому. Он остается самим собой при всех обстоятельствах. И в то же время всегда находит новое отношение в разговоре с каждым из своих собеседников, а собеседников тысячи — и будь то Алексей Николаевич Толстой, Фадеев или Леонов, Пастернак, Федин или Кассиль, ученый, педагог, редактор, водитель машины, взрослый, ребенок, — в разговоре с каждым у него всегда свой оттенок. И поэтому разговор получается всегда «музыкальный» по своей внутренней сущности и всегда «гармоничен» даже в тех случаях, когда Корней Иванович не согласен и спорит, отстаивает свое отношение, свой взгляд. Особый аспект его отношений — это Корней Иванович с детьми. Мгновенно перевоплощаясь, он видит мир как бы и за себя и за них. И с ними ему, кажется, не менее интересно, чем в его обществе им. Я видел его часто в кругу детей, выступал вместе с ним... Он прекрасен!

ЖИВЕТ Корней Иванович круглый год в Переделкине — в писательском городке под Москвой. Встает на рассвете. Когда другие только еще начинают свой день, Корней Иванович уже набатался без помех в тишине и делает первый антракт. Трудится он до пяти часов дня. В свободное время в его кабинете вы встретите и журналистов, и писателей, и ученых — наших и зарубежных. Спросите — каждый скажет, что выходит из его кабинета помолодевшим.

Сорок лет я знаю Корнея Ивановича —

сорок лет он такой. Вчерашний день не уходит от него в прошлое. Все, кого ни встречал он, — всегда вместе с ним. Ясность и яркость памяти — ассоциативной, зрительной, слуховой — у него поразительны. Умение запомнить в че-

ловеке самое интересное кажется просто чудом. То, что у нас у всех улетучивается из памяти в ту же минуту, Корней Иванович видит и слышит долгие годы. Он умеет остановить мгновение, возвратить время. И в этом ему помогает «Чукоккала» — еще одно создание его таланта, о котором вы узнаете скоро: «Чукоккала» выйдет в свет.

Более полувека назад, а точнее летом 1914 года, живя рядом с Репиным на даче под Петербургом, в Чукоккала, Корней Иванович завел тетрадь для автографов. И дал ей шутовое прозвище. Кто только не брал в руки «Чукоккалу»? Кто не рисовал в ней, не писал в ней шутки, стихов! Тут великолепнейшие рисунки Ильи Ефимовича Репина, выполненные с помощью чернил и окурка, шаржи, рисованные Владимиром Маяковским, стихи Блока, Андрея Белого, Гумилева, Осипа Мандельштама, экспромты и записи Горького, Леонида Андреева, Бунина, Куприна, Алексея Толстого... Тут вся литература и все ее связи — от Кони и Аркадия Аверченко до Дудина и Паперного. Шкловский, Мейерхольд, Собинов, Зощенко, Маршак, Ахматова, Паустовский, Евгений Шварц, Казакевич. Теперь «Чукоккала» — это уже альбом с четырьмя «филиалами». Смотришь — диву даешься! Ведь это же биография Корнея Ивановича, да какая еще! Писанная друзьями. Это история каждого знакомства, каждой дружбы его. Это — и биография времени, это — история жизни литературной! Это — стихи и рисунки, которые никогда не явились бы свету, если б их не вызвал к жизни Чуковский. Это — черты характеров, каких не найдешь ни в собраниях сочинений, ни в письмах. Все это рисовано, писано в светлые минуты, в присутствии Корнея Ивановича, тут все жизне-радостно, тонко, экспромтно. Великие поэты не смотрят на нас с пьедесталов, а шутят за чайным столом, в кабинете, в редакции — всюду, где слышится голос Корнея Ивановича, предлагающего своим собеседникам чистый листок, который он потом вклеит в «Чукоккалу». Это — простое великое дело, которое, начавшись с шутки, превратилось в творение, полное ума и таланта. Такого коллектива выдающихся авторов не имел ни один журнал в мире. И снова тут проявилась удивительная черта благородного таланта Корнея Ивановича: в «Чукоккале» — все современники. Даже и те, что принадлежат разным эпохам и никогда друг друга не видели. Корней Иванович всех спаял, всех сдружил потому, что это его друзья, его жизнь, настоящее и прошлое вместе. А еще незаполненные страницы — для новых, для молодых! И книга интересная, блестящая, как Корней Иванович сам, как все его книги, как весь его необыкновенный богатырский талант — новаторский, светлый, не похожий ни на кого в целом мире!

3
стр.

№ 77 (15471)

Москва, 1967, 31 мар